

В ту пору я оканчивала петербургский университет. Подруги мечтали о тёплых морях и южном солнце, а я бредила музееведением, арктическими путешествиями и писала диплом о полярных национальных парках.

«История освоения арктических территорий берёт начало в IX веке, когда новгородцы начали движение на север, в сторону “Студёного моря”, – задумчиво набирала я на компьютере. – Русские полярные мореплаватели первыми ходили в северных морях: Карском, Лаптевых, Восточно-Сибирском и Чукотском, проникли в Арктический бассейн. Благодаря им человечество узнало о существовании Шпицбергена, Новой Земли, Северной Земли и Новосибирских островов, Чукотки и Камчатки. Именно россияне доказали, что Азия и Америка разделены проливом, именно они обживали Аляску – в интересах Российского государства. Имена Семёна Дежнёва, Витуса Беринга, Георгия Седова, Бориса Велькицкого, Александра Колчака, адмирала Макарова были известны далеко за пределами нашей страны...»

Арктика манила меня, словно подростка тридцатых годов. Я мечтала увидеть своими глазами гигантские голубые льдины, способные давить своей мощью корабли. Хотела посетить места зимовок знаменитых исследователей и понять, что гнало их на изучение губительных просторов. Что заставляло, замерзая, голодая, боля цингой, подвергая себя смертельной опасности, двигаться вперёд. Думала найти ответ на вопрос: было это азартом, непобедимой жаждой первооткрывательства или эгоистическим капризом, желанием во что бы то ни стало исполнить свою прихоть – даже ценой благополучия семьи и собственной жизни? Было это побегом от себя или дикой любовью к низкому звёздному небу, затмевавшей любовь к женщинам, которые провожали корабли с предчувствием вечной разлуки и нищеты?

Оставляя семьи без гроша, упрямыцы снаряжали экспедиции на собственные жалкие средства и двигались к северу. Неуклонно и с чувством собственной правоты... Быть может, странники заблуждались психически, а может – узнавали нечто притягательно-волшебное, без чего не было смысла жить, и стремились всё дальше в Арктику, к сказочной – нулевой – точке планеты, где встречаются Полярная звезда и Большая Медведица.

Они не открыли мотивы своих поступков, не описали дорожные впечатления. Не сообщили, оправдались ли их ожидания. Каждый оставлял в дневниках лишь сухие факты. Быть может, тяготы пути вытесняли романтику, и полярники, чувствуя близость смерти, стыдились признаться в разочарованиях и собственной глупости?

Подобно капитанам минувших веков, я упрямо стремилась в ледяную страну и обивала пороги начальников арктических экспедиций. Но полярники лишь беззлобно шутили надо мной: куда собралась избалованная барышня от свежих овощей и фруктов и что она будет делать на льдине со своими длинными волосами? Однако я не сдавалась. Сознавала свою непригодность для полярного будущего, но, чувствуя хаотическое течение жизни, ничего для себя не исключала.

Полярные исследователи дорого платили за свои открытия. Вся история изучения Арктики и Антарктики – это история титанических усилий, страданий и, порой, гибели людей, которые подчинялись не столько приказу, сколько чему-то иному, более важному и существенному, таящемуся в глубинах души.

В советское время, благодаря воспитанию, дети часто мечтали о полюсах. Однако и в наши дни полярная романтика не иссякла. Юношей привлекают опасности и трудности, преодолеваемые мореплавателями. Но для чего это понадобилось мне, девушке?

Несмотря на необъяснимость поступков легендарных полярников, я восхищалась героями прошлого и мечтала встретить подобных мужчин в реальности. Обладая жилкой исследователя и неиссякаемым любопытством, пыталась понять, как зарождался героический дух, что именно двигало упрямыми храбрецами. Я жаждала увидеть своими глазами полярную бытность и убедиться, что фантазия меня не обманывает.

Большинство мечтателей выбирают иные, не связанные с морем профессии, но до конца жизни любят книги о странствиях. Те же, у кого появляется шанс повторить пути героев в реальности и без риска для жизни, стремятся его использовать. После защиты диплома свой шанс отыскала и я.

Недалеко от моего дома находился грузовой порт. За заросшими пустырями высились разноцветные краны. На закрытой территории проводилось таможенное оформление грузов, перевозимых балкерами на дальние расстояния. Многие суда шли через Арктику.

Я начала узнавать подробности работы порта. Отыскала, куда обратиться насчёт морской работы, и решила попробовать пройти медкомиссию. После долгой беготни по кабинетам и разговоров с капитанами мне повезло.

Во всём мире женщин-морячек существовало немало. Американки занимались медициной и связью, француженки – информатикой и финансами, итальянки становились психологами. Для меня таких перспектив не предусматривалось, и я готова была стать морской стюардессой, по совместительству – помощницей повара. Как историка, современность интересовала меня во всех проявлениях.

Откровения окружающих о трудностях навигации лишь усилили моё рвение к плаваниям. После долгих споров, слёз, нудных оформлений, курсов безопасности на водах и курсов морских стюардов я оказалась на корабле – единственной женщиной в экипаже, который поначалу принял меня скептически.

Морская бытность началась совсем не радужно. Я быстро поняла, почему знакомые и незнакомые люди, узнав о моём поступке, недоуменно вопрошали: «Зачем? Неужели ради денег?» Упрямец, я прочувствовала, что означают на практике отсутствие условий для службы дам и повышенные трудности, которыми пугали меня коллеги перед выходом в море.

Я попала в царство мрака и нескончаемого ледяного ветра, дикой качки, силу и коварство которой раньше не представляла, непривычной и тяжёлой дисциплины, грубой реальности, которой не знала на берегу. Стремясь к романтике, я получила вместо неё монотонную работу в тяжёлых условиях. Так рыбка, глотая наживку, сама нанизывает себя на крючок.

Не каждый человек выдержит долгие месяцы пребывания в атмосфере тесного пространства, ограниченного бортами судна. Водные просторы становятся серьёзным испытанием на физическую и психологическую прочность. У новичка через невыносимую, кажется, усталость, страхи, боль, раздражение перековываются характер, мироощущение и даже мировоззрение. Очень быстро я стала скрытной, собранной, строгой. В то же время – более внимательной и отзывчивой.

Корабль жил своей жизнью: погрузки, разгрузки, борьба со стихией, устранение неполадок. Каждый член экипажа ответственно выполнял конкретные задачи, был необходимой частью огромного слаженного механизма. И я на своём скромном месте старалась не подкачать: без жалоб мыла и нарезала продукты, убиралась, накрывала столы. Не об этом мечтают девушки, считающие себя принцессами, но я воспринимала работу как роль, как единственный способ добиться желаемого – и была за неё благодарна: «Принцесса может делать что угодно ради того, чтобы её жизнь не промелькнула зря».

Ни разу не возникало сомнений, зачем я училась музееведению: чем больше учишься, тем шире твой горизонт, тем осмысленнее взгляд на действительность, интереснее мысли. «Напротив, чем меньше знаешь о мире, тем меньше смысла видеть его просторы, – полагала я. – Лишь движение вперёд и вверх даёт смысл жизни».

Море налагает на людей особые узы. Они проявились в нашей команде лишь после нескольких месяцев разлуки с землёй, помогая терпимо относиться к недостаткам и убеждениям каждого, безречь друг друга. Они поддерживают дружбу спустя много лет.

Впрочем, не только дружбу. Засыпая, я вспоминала, как зародились чувства к тому, в присутствии кого горели румянцем щёки. С кем я ещё старалась не разговаривать, в чью сторону силилась не глядеть.

Серьёзный, но ничем, казалось, не примечательный парень в тёмно-синей куртке, с короткой стрижкой, механик, облокотился о борт корабля. Он смотрел в сторону замёрзшего моря, где, пробивая себе дорогу, шёл красный ледокол...

«Будущий муж, отец моего ребёнка. Герой, которого я ждала... Но любовь начнётся потом. Сейчас он просто работает рядом. Только картинка... Лучший из моих снов...»

Чем ближе мы подходили к Шпицбергену, тем яростнее и неуёмнее стихия проявляла власть. Вокруг, с бешенством вырываясь из-под льда, грохотали огромные хищные волны. Наше громоздкое, неповоротливое судно, подобно маленькой щепке, плавно, но стремительно уходило в разверзшуюся бездну, затем бесконечно взмывало в тёмные, натужно воюющие небеса. Всякий раз я думала, что пробил последний час, вместе с тем замороженно вглядывалась в зыбкую даль и не жалела о своём предприятии: «Быть здесь – всё равно, что полететь в космос».

«Принцесса, не бойся: корабль крепок и исправен. Болтанка – обычное дело», – заметив мой испуг, успокоил Алёша. Я верила своему герою, хотя уже была наслышана от остальных механиков о превратностях ремонта старого судна.

То боковая качка встряхивала балкер, будто пустой мешок, пытаюсь уложить на левый или правый борт, то коварная диагональная. Даже бывалых моряков укачало, болела голова, и повсюду стоял запах эфирного масла полыни, отгоняющий неодолимую тошноту.

Мне уже казалось, что сумрачный путь не кончится никогда. Однако в назначенный день наш корабль, встреченный разноцветными сигнальными огнями, подошёл к занесённому снегом архипелагу Свальбард. «Святые русские острова» – так значился он в XVI веке на русских картах. «Святые» – потому что отшельнические, очищающие белизной и аскетизмом душу от суеты, а тело – холодом от страстей... «Впрочем, не страсти ли делают нас живыми? – внезапно пришло мне в голову. – За что ни возьмись, всё граничит с какой-то страстью, даже моё бывшее стремление в Арктику. Нет страстей – нет сильных впечатлений. Так ли уж нужно от них избавляться? Придёт время, они исчезнут сами собой. На то мы – люди... На то жизнь земная и жизнь небесная...»

Да, под кожу будто бы проникало ледяное, мертвящее дыхание Арктики. Но я испытывала лишь детский восторг первопроходца или гордой участницы полярной экспедиции, с нетерпением ожидая своего выхода на берег. Торопливые мысли сбивали одна другую.

Я с интересом глядела за борт. Кончалась полярная ночь, и к кораблю по-хозяйски, вразвалку, с лёгким рыком пожаловали белые медведи. Свирепые, лохматые, вызывающие глубинный страх... Я уже знала: на островах они охотятся на тюленей, но не брезгают и людьми. А сейчас требуют у моряков угощение, словно дань за прибытие в порт.

Едва касаясь, Алексей вложил мне в ладони синие банки гущёнки: «Бросай!»

Мы со смехом кидали железные банки на льдины, а медведи ловили их на лету, рыча и прокусывая. Выпивали, брызгаясь, молоко и выплевывали жёваное железо.

В ближайшие сутки мы должны были загрузиться углём и следовать в Англию.

На время погрузочных работ часть команды получила свободное время, и я вместе с Алексеем и несколькими товарищами впервые ступила на русско-норвежский остров Шпицберген.

Здесь не было деревьев и мела метель, нервными позёмками вился колючий снег. Ветер дул с берега в море. На склоне сопки в свете фонарей виднелся памятник советского периода – со звездой и лозунгом «Миру – мир!». Дальше смутно угадывались занесённые снегом свалки.

Одетая в две тёплые красные куртки и чувствуя себя неуклюже, я вдыхала искрящийся воздух зимней Арктики. Казалось, что смерзается носоглотка. Жестокий мороз подбирался к телу сквозь толщу одежды.

До полюса оставалась жалкая тысяча километров, и моей радости не было предела. Уже не в воображении, а рука об руку с живым полубившимся героем я шагала по следам легендарных полярников. Крылья сбывшейся мечты несли меня над заснеженной дорогой, более похожей на тропу! Однако чуда, о котором я когда-то фантазировала, не произошло: я не чувствовала дикой тяги к открытиям. И не смогла понять, что так неодолимо влекло сюда первопроходцев: ледяная романтика не показалась удовольствием, стоящим жизни. Даже бескрайнего простора не ощущалось. Напротив, тёмное безжизненное пространство воспринималось низким, как деревенский погреб, и замкнутым.

Для открытий требовался особенный азарт! У меня он не появился. И даже былой, наивный студенческий, вовсе исчез. Национальные парки, заповедники, птичьи заказники оказались недоступны из-за снежных заносов. Попытаюсь ли я повторить свой тяжкий путь во время полярного дня? Что ж, увидим...

Со стороны жилых домов донёсся голос радиодиктора: «Если вы плохо стреляете, не покидайте пределов города». Трудно было поверить, что жители передвигаются здесь только группами, и спасатели выдают им карабины с боевыми патронами.

«Русский город, по улицам которого бродят медведи, существует не только в представлении иностранцев, – веселились тем временем бывалые спутники. – Это город, названный Баренцбургом».

«Раньше здесь жили поморы, – хмуро ответила я. – Почему же весь мир полагает, будто Свальбард открыт голландцем Баренцем?»

«А почему мы не брали в расчёт аборигенов, обживая Аляску? Почему не считались с финскими племенами? Потому что те ещё не интересовались своей государственностью и вели себя как тюлени».

В Баренцбурге не осталось коренных жителей – только вахтовики, русские и украинские шахтёры, скуцавшие по растениям и ярким краскам. Они сооружали на улицах металлические и деревянные подсолнухи, ярко раскрашивали низенькие дома. На стене одного из зданий красовался лист фанеры с начертанными алой краской словами: «С днём рожденья, любимая!»

О довоенных обитателях острова напоминали остатки печей для плавления китового жира – следы некогда процветавшего китобойного промысла. Позднее, во времена холодной войны, Баренцбург был важной стратегической точкой. Потому несколько любопытных иностранцев сейчас растерянно озирались на улице, как в музее, фотографировали остатки советской бытности и рыхлые многослойные скалы. Они всё ещё надеялись найти здесь нечто секретное, интригующее.

Кафе «78-я параллель», излюбленное моими спутниками, в этот раз оказалось закрытым, но им хотелось пировать на древней земле, словно викингам. Открытым оставался ресторан «Нансен» в центре норвежской округи – городке Лонгийербюене, в пятидесяти пяти километрах от Баренцбурга.

«Там работают научные станции, – вспомнила я. – В старой шахте, на случай природных катастроф, создан международный банк семян».

Серые глаза Алёши сияли. Счастливый, он отвечал, не отрывая от меня взгляда: «Хранилище Судного дня. Семена всех растений Земли».

В Лонгиер, как его называют островитяне, время от времени ходил городской автобус, но моряки ждать не стали, наняв собачью упряжку с вооружённым проводником. Шесть голубоглазых собак залились приветственным лаем, когда мы направились к нартам, и мы пожалы их лапы, потрепали

жѣсткую шерсть. Так перед поездкой между людьми и животными зарождается инстинктивный контакт, возникают чувства уважения и доверия.

Когда сани понеслись, казалось – полетели, словно пѣрышко, по свежему искрящемуся снегу, я возблагодарила Бога за то, что позволил родиться на свет. Скорость, лёгкий шорох полозьев, перехватывающий дыхание морозный воздух, плечо Алексея под укрывавшей нас двоих толстой шкурой вызвали невыразимый восторг. Неожиданно случилось иное чудо, не то, которое я ждала. Нашѣлся не тот ответ, который искала. Чудилось, мы летим по небу – навстречу огромным звѣздам, сквозь ледяную пустыню. Этот полѣт напоминал нашу любовь – стремительную, несомненную, захватывающую без остатка душу и тело. Мы будто бы стали единой звездой, сильным светилом...

В ресторане играли свадьбу чернявый проходчик и юная повариха. В светло-русые волосы невесты были вплетены шѣлковые цветы, а вместо платья белела искусственная шубка. Счастливая, я подумала: «Это – знак...»

Вскоре снова моргали сигнальные огни порта, и наш нагруженный балкер медленно отползал в открытое море. Навстречу ему из Тромсе двигалось норвежское судно.

Я пытливо глядела на своих моряков: каждый был уверен в себе и твѣрд – настолько, что даже в грязной рабочей одежде оставался величественным. Если нежданно пришѣл бы последний час, каждый мог бы гордо воскликнуть: «Я жил!»

Им не нужно, как далѣким предшественникам, исследовать Севморпуть, но мир никогда не сможет обойтись без морских перевозок. Они работают, сознавая и спокойно принимая опасности. Помня о погибших в наши дни кораблях, о не освещѣнных СМИ морских катастрофах, они всякий раз идут в море с поглощающим вдохновением, – готовые не вернуться. И возвращаются!

Море влечѣт человека: как бы ни были грозны шторма, они привлекают и окрыляют. Так было и будет всегда. Морской простор умудряет душу и освобождает от всего наносного. Грохочущие водяные валы, покрывающиеся клокочущей пеной, продолжают побуждать к дерзновению...

Я вышла замуж за моряка, которым до сих пор восхищаюсь. Знала: Алексей – единственный, кому смогу быть настоящей верной женой. С ним я узнала, что любовь действительно существует, что она – не порождение моей фантазии, как заснеженная палатка на Северном полюсе...

Подобно жѣнам легендарных полярников, я стала той, чья жизнь – ожидание и тревоги. Попала в круговорот расставаний, встреч, привыканий и новых разлук. «Но своего человека не выбирают, а просто однажды встречают, – отвечала я любопытным. – Лишь с ним получается быть счастливой».

